

Цена 20 коп.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

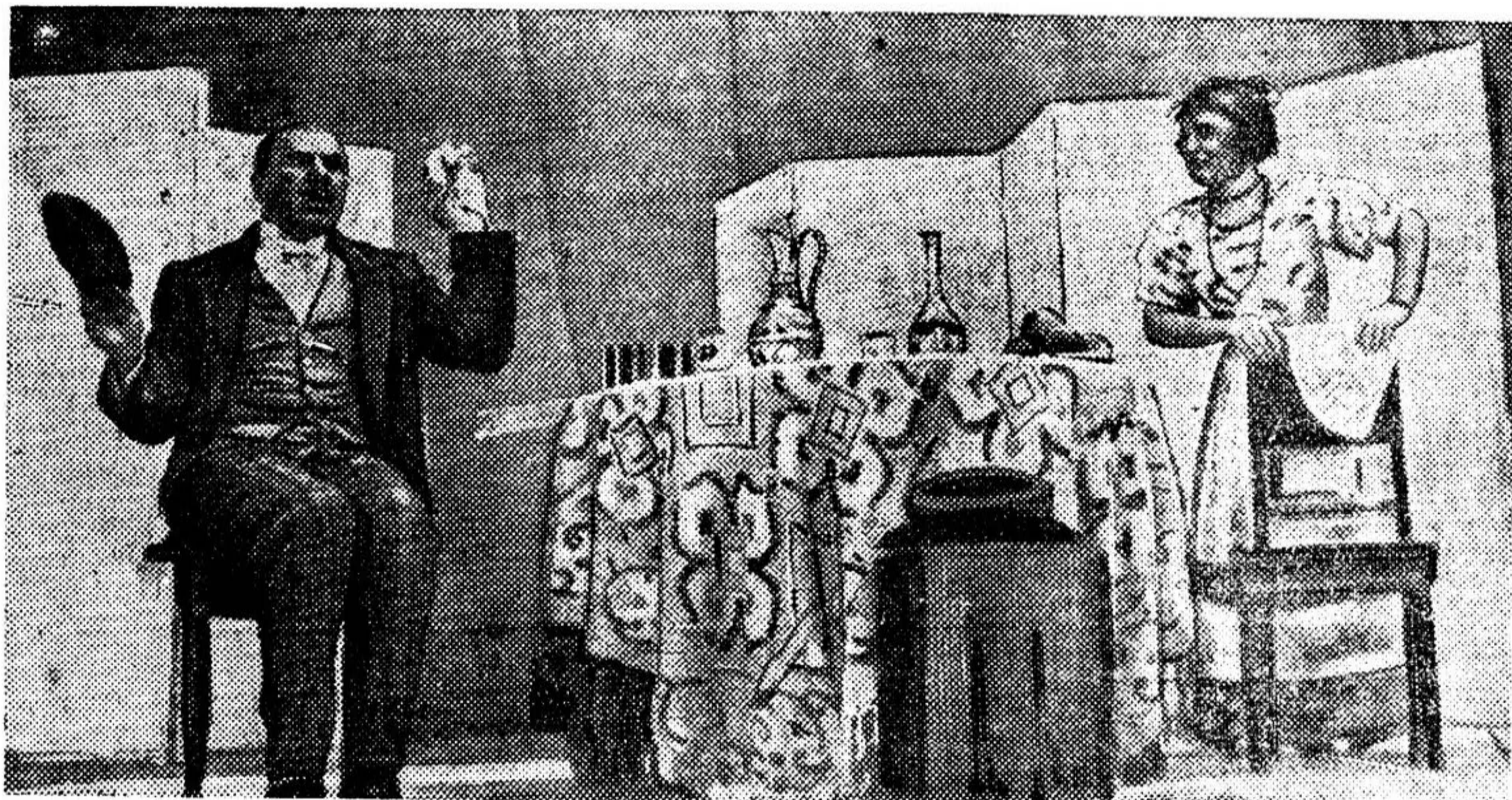
Литературная газета

№ 18 (509)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Суббота, 30 марта 1935 г.

ЧЕХОВ У МЕЙЕРХОЛЬДА

Ломов (арт. Игорь Ильинский) и Наталья Степановна (арт. Логинова).

В первый раз мы увидели три чеховских водевиля («Юбилей», «Медведь» и «Предложение») 25 января 1935 г. в театре им. Вс. Мейерхольда...

Затасканные по всем провинциальным сценам, до предела захватанные любительскими кружками — одним из самых отвратительных явлений дореволюционной «жизни искусства» — в первый раз чеховские водевили поставлены именно Мейерхольдом. С удовольствием, как добродушную шутку играли обывательские и мещанские «любители» злую сатиру на себя. Плотной коростой бытовщины и анекдота покрывали водевили профессиональные театры — не только провинции, но и столиц, использовавшие их для «замен», свободных вечеров, всяких благотворительных балов и т. д.

На сцене театра Мейерхольда, под его блестящим режиссерским анализом и в его интерпретации — водевили Чехова впервые получили глубокий смысл, идейное единство, социальную значительность. «Безобидные», «добродушные» Ломовы и Чубуковы, Смирновы и Шипучины — предстали перед глазами зрителя как галерея омерзительных харь из дореволюционной российской действительности. Мейерхольд вернул чеховским водевилям ту ненависть и презрение, которые возбуждали их персонажи в самом Чехове и которые были растрчены многочисленными любителями добродушного юмора. Мейерхольд добавил к этим чувствам Чехова свое — отношение революционного художника.

И хотя спектаклю угрожала серьезная опасность — оказаться во власти оригинальной находки, давшей ему название — «Тринадцать три обморока» — находки оригинальной, но не очень серьезной — он счастливо избежал этого «рифа». Конечно, не эпидемия неврастения с ее социальным эквивалентом явилась основной «струной» для постановщика и актеров, вопреки заявлению первого. Са-

мое большее, это — подставка для подлинных, звучных струн. Многому она помогла, кое в чем ею злоупотребили. На обмороках построено весьма удачное музыкальное оформление; но зритель, пожалуй, не был бы неблагодарен, если бы музыкальных антрактов было и поменьше. Те же обмороки излишне растянули «Предложение», под конец идущее в несвойственном Мейерхольду замедленном темпе.

Нет, не они, не неврастения — стержень спектакля. Он складывается из таких находок, как чучело медведя и антураж гостей в «Юбилее» как «собачья пантомима» в «Предложении», и всего того каскада жизнерадостного веселья, театрального блеска, остроумной выдумки — который обрушивает режиссерский гений Мейерхольда на зрителя. Каскад поистине неиссякаемый и подчас от него становится даже больно глазам, шумит в ушах — так много всего, что зритель, не успев еще вообразить один трюк, бывает уже достигнут другим. А ведь не все еще знают стенографию.

Критики определяют чеховский спектакль как продолжение линии «Дамы с камелиями». Это верно, но лишь в узко-формальном, вернее театральном смысле. Мейерхольд здесь продолжает освобождать из цепей театральности, он заливает сцену светом, его цветовая палитра — вся в действии и он владеет ею как никто. Это — новое в театре Мейерхольда, начатое «Дамой».

Однако, главные замыслы чеховского спектакля совсем иные, чем «Дамы с камелиями». Если там была «уступка», то здесь мы видим снова Мейерхольда — революционного чтеца классики.

И хотя «Тринадцать три обморока», конечно, не этап для Мейерхольда, — при всем блеске для него это спектакль рядовой — он радует нас прежде всего своей идейной направленностью.

В спектакле есть актерские удачи: Боголюбова и Райх (в «Медведе»), Громова (Чубуков в «Предложении»), Тяпкиной и Серебренниковой (в «Юбилее»). Но подлинным шедевром актерского мастерства является, конечно, образ Ильинского — Ломова. Филигранная отделка каждого движения, мимика, сдержанное, без всякого переигрывания исполнение — все это позволяет сказать, что это одно из лучших советских актерских достижений. Как далеко и хорошо ушел Ильинский от своих кино-ролей! Расплюев в «Свадьбе Кречинского», и Ломов в «Предложении» — очень большие удачи актера, с которыми можно искренно поздравить не только его, но и весь советский театр.

И трудно понять некоторых критиков, которые об Ильинском в чеховском спектакле отделиваются отписками, упоминная его наряду с другими актерами, а то и после их...

ЗРИТЕЛЬ.